

L.A. Golubeva, A.E. Chernokov
ELEMENTS OF EASTERN DESPOTISM
IN ATHENIAN STATEHOOD

Lada Golubeva – Senior Lecturer, the State Law Disciplines Department, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, PhD in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: golubeva.gieft@yandex.ru**.
Alexey Chernokov – Associate Professor, the State Law Disciplines Department, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies. PhD in Law, Gatchina; **e-mail: nio@gief.ru**.

The article focuses on problems of the emergence and evolution of the Athenian polis (city-state) as a phenomenon of the world culture. From the standpoint of the socio-anthropological approach to the study of state and law the authors identify the key factors that shaped the specific nature of the Athenian statehood.

Based on the performed study the authors formulate specific elements of oriental despotism embodied in ancient statehood and conclude that these elements had a definite effect on the further evolution of Ancient Hellas.

Keywords: anthropology of law; eastern despotism; statehood; democracy; legal methodology; polis (city-state).

Л.А. Голубева, А.Э. Черноков
ЭЛЕМЕНТЫ ВОСТОЧНОЙ ДЕСПОТИИ
В АФИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: golubeva.gieft@yandex.ru**.

Алексей Эдуардович Черноков – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: nio@gief.ru**.

В статье излагается проблематика возникновения и эволюции афинского полиса как феномена мировой культуры. С позиции социально-антропологического подхода к изучению государства и права выявлены факторы, обусловившие специфику афинской государственности.

На основании проведенного исследования авторы формулируют конкретные элементы восточной деспотии, воплотившиеся в античной государственности, и делают вывод о том, что эти элементы оказали определённое воздействие на дальнейшую эволюцию Древней Эллады.

Ключевые слова: антропология права; восточная деспотия; государственность; демократия; методология права; полис.

В истории развития западной цивилизации афинское общество часто обозначается как основоположник европейского пути развития государственности, который характеризуется первичным становлением феномена права перед государством. В полярной оппозиции становления

государственности находится восточный путь формирования государства. В то же время, любой тип государственности, присущий конкретному обществу, отягощается особенностями, которые могут быть отнесены как к западному, так и к восточному пути формирования государ-

ства. Представляется, что некоторые элементы восточного пути формирования государства могут быть выявлены в чертах афинского общества.

Античное общество, сформировавшееся во II тысячелетии до н.э., существенно отличалось от господствовавшей в тот период восточной государственности. Последняя, выросшая из общинных структур, постепенно оторвалась от них и превратилась в жесткую политическую организацию, охватывавшую большие территории. Как констатирует известный отечественный востоковед Л.С. Васильев, «главной причиной этого было отсутствие здесь развитого рыночно-частнохозяйственного хозяйства, сыгравшего решающую роль в той социополитической мутации, которую пережила античная Греция» [2, с. 99]. Общими чертами восточного социума (безотносительно к конкретной стране) выступали:

- патриархальность (господство натурального хозяйства);
- коллективизм (хозяйственная деятельность была возможна при наличии сложных ирригационных систем, эксплуатация которых требовала усилий большого числа людей; отказ от поддержания такой системы грозил гибелью всему обществу, в том числе и его высшим слоям);
- традиционность (незыблемость основ государственности и права, их постоянное воспроизводство, роль социальных регуляторов в обществе заключается в поддержании системы выживания, полностью игнорируя такие цели, как предоставление индивидуальной свободы);
- религиозность (нацеленность личности на духовное самосовершенствование, что также предполагает отказ от цели личного обогащения и глубокого персонального развития личности по её свободному усмотрению);
- пестрый социальный состав (наличие большого количества социально-профессиональных групп с особым статусом, каждая из которых призвана выполнять строго определённые функции, переход из одной социальной группы в другую строго ограничен)» [8, с. 98, 99].

Существенную роль в формировании

деспотических черт восточного социума сыграла культурная составляющая. Как верно полагают А.В. Костина и А.Я. Флиер, «культура (и традиционная в особенности) задает человеку и обществу строгие границы социального и культурного» [8, с. 98, 99].

Взаимоотношения человека и власти в такой системе ценностей сводятся к тому, что социокультурная система общества, с одной стороны, жестко ограничивает и контролирует формы индивидуальной самоорганизации, но, с другой – предлагает законную возможность выйти за установленные ею рамки субординации и регламентации тем людям, которые готовы пожертвовать ради этого материальными благами и честолюбивыми амбициями, равно как и привязанностью к своим близким [13, с. 59].

Существенным выступает вопрос, насколько власть в древневосточном государстве носила абсолютный и всеобъемлющий характер. Учитывая значительную территорию и примитивный уровень средств связи, можно предположить, что отдаленные части такого государства существовали автономно от центра, передавая последнему требуемый объем налогов и иных материальных ресурсов. Кроме того, основой восточного социума являлась община, а не отдельные индивидуумы, и с этим фактом нужно было считаться. Как справедливо полагает Р.Т. Мухаев, «гармония и порядок в восточных деспотиях зависели от умения правителя считаться с интересами знати и учитывать потребности подданных, опираться на их поддержку, своими действиями и примером внушать им образцы мудрости, щедрости и справедливости» [10, с. 100]. Тем самым, с политических позиций власть правителя полностью зависела от лояльности знати на местах, военная мощь которой могла быть сопоставима с силами центрального правителя. В связи с этим, чем больше была подвластная правителю территория, тем больше создавалось предпосылок для возникновения потенциально конкурентоспособных политических сил, которые могли предпринимать попытки посягательства на центральную

власть. Данный тезис красочно подтверждается историями развития многих восточных государств.

Существует еще одно важное обстоятельство, связанное со спецификой древневосточного общества и государства. Это – место городов в структуре такого социума. Изначально город формировался в качестве торгового пункта, защищенного от нападений укреплениями, и выступал проводником урбанизма – особой «городской цивилизации», в рамках которой ускоренными темпами развивалось производство и формировалось право как универсальное средство нормативного регулирования общественных отношений.

Как отмечают отечественные историки-востоковеды, исследуя структурные элементы древневосточных государств, империям, помимо армии и администрации требовался реальный механизм развития экономических сил, таким механизмом, несмотря на существенное первоначальное сопротивление администрации и армии, и стали выступать города, которые были способны наиболее эффективным образом развивать экономические отношения внутри государства [7, с. 17]. Фактически, армия способствовала развитию экономики сугубо «экстенсивным путем» посредством захвата вражеских территорий, людей, обращаемых в рабов, материальных ценностей другого общества и т.д. Города же были ограничены в своих возможностях, поэтому для их развития (и развития, соответственно, экономики) необходимо было интенсивно совершенствовать систему взаимодействия между людьми, используя ограниченное количество имеющихся ресурсов.

Право, как сугубо городское явление, хоть и существовало в форме законов и правовых обычаев, но не стало, в силу ряда причин, значимой социальной силой. В рамках древневосточного социума самоуправляющиеся города никогда не приближались к статусу античного полиса (за исключением Финикии и Карфагена) и не могли существовать в качестве независимых субъектов политики. Соответственно, право на Древнем Востоке обладало существенными отличиями от аналогичного

античного феномена. Отличиями этими выступали:

- серьезное воздействие религии (норма права имела религиозное обоснование);
- основным источником права являлся обычай;
- право Древнего Востока было словесным;
- патриархальность (длительное существование большой семьи);
- юридическая ответственность носила в основном уголовный характер;
- в основу правовой системы была поставлена община [12, с. 39–40].

Возможности государства в сфере правового регулирования общественных отношений не были особо большими. Как полагает О.А. Омельченко, «монарх мог устанавливать новые правила жизни подданных посредством собственных распоряжений – указов, декретов и т.п. Однако эти правила, во-первых, не должны были противоречить традиции, во-вторых, они не могли посягать на самые принципиальные основы правопорядка» [11, с. 80]. Любые правовые инструменты всегда были ограничены отсутствием реального механизма донесения информации до широких слоев населения, например, в силу безграмотности большинства членов общества. Также в силу социально-культурного контекста, который предполагал наличие строго определенной роли каждого из членов общества, ограничивались возможности возникновения конфликтов, требующих формального разрешения. Большинство из них пресекалось путём доминирования одного социального слоя над другим.

Если же сопоставлять восточную деспотию с античными политическими организациями (прежде всего – полисом), то можно обнаружить разительные отличия. Движение Древней Греции (а впоследствии и Рима) к демократии шло постепенно. Изначально на территории материковой Греции и островах Эгейского моря сложились ранние государства с монархической формой правления и развитой бюрократической структурой управления. Примерно в XIII–XII вв. до н.э. ранние

греческие царства погибли, не оставив после себя соответствующих идеологических доктрин, и наступили «темные века» (XI–IX вв. до н.э.). Произошел регресс общественных отношений, вновь укрепилось натуральное хозяйство и образовалось множество автономных общин со своей системой самоуправления (народное собрание, совет старейшин и выборный военный вождь). Тем не менее, по прошествии нескольких столетий древнегреческая цивилизация нашла в себе силы перейти к новой фазе развития. Если так называемая гомеровская эпоха («Темные века») представляла собой стагнацию социума, то, по словам известного антиковеда Э.Д. Фролова, уже «к концу этой эпохи заново накапливавшаяся потенция к развитию реализовалась в возникновении первичных организмов раннеклассового общества – протогородских и протогосударственных центров протополисов. Следующая, архаическая эпоха была уже отмечена радикальными техническими, социально-экономическими и культурными сдвигами, результатом которых было окончательное формирование полиса» [14, с. 65].

Факторы, которые оказали влияние на становление греческого полиса, по мысли Э.Д. Фролова, можно свести к следующим:

- гибель микенских дворцовых центров, избавившая сельские общины от гнета бюрократии и опеки монархии;
- стимулирующее воздействие лантшафта, поощрявшего партикуляризацию греческого мира;
- распространение нового, более доступного и дешевого и вместе с тем твердого металла – железа;
- одновременно с укреплением parcelлярного индивидуального хозяйства и утверждением принципа частной собственности – развитие частновладельческого рабства;
- непосредственное воздействие социально-политической борьбы между демосом и родовой аристократией [14, с. 66–69].

Последний фактор представляется особо важным, так как именно борьба

различных социальных групп населения общины и привела в итоге к появлению полиса (самоуправляющегося города-государства). Как констатирует И.В. Меланченко, «с древнейших времен в Афинах существовала царская власть и, как и в любом другом полисе, действовало Народное собрание. <...> Оно было правомочно принимать решения, затрагивающие интересы всего полиса. В этом отношении Народное собрание являлось источником высшей власти» [9, с. 15].

В течение VIII–VI вв. до н.э. Афины прошли долгий путь к демократическому строю (разумеется, с учетом представлений о самой демократии в античности) [5, с. 29-31]. Во время пика своего развития (V в. до н.э.) афинская демократия представляла собой крупный полис (город-государство) с развитой системой магистратов, избиравшихся на очень небольшой срок. В эту эпоху «верховная власть перешла к народному собранию, которому подчинялись все другие государственные органы. За исполнение государственных обязанностей устанавливалось вознаграждение из казны. Это открывало реальную возможность участия в политической деятельности и перед малообеспеченными гражданами» [4, с. 80]. Система органов власти в Афинах, прежде всего, олицетворялась народным собранием, обладавшем достаточно широкими полномочиями. К ним относились:

- право выбора главных магистратов;
- судебная власть;
- право остракизма;
- право объявлять войну и заключать мир;
- контроль за государственной казной;
- законодательствование [6, с. 311].

Специфика функционирования законодательного органа в Афинах заключалась в том, что «закон (*nomos*) был выше, чем решение (*psephisma*) народного собрания. Практически весь корпус афинских законов был создан их великими реформаторами: Драконтом, Солоном и Клисфеном. Поэтому законотворчество в Афинах было ограничено периодическим пересмотром старых законов» [6, с. 313].

В силу значительного количества

граждан (35–40 тысяч) собрание никогда не собиралось в полном составе, и на его регулярных заседаниях присутствовало не более 8–9 тысяч человек. Кроме того, сами гражданские права в Афинах являлись привилегией, так как их получение опиралось на достаточно жесткие требования, сводившиеся к следующим:

- три поколения предков по линии отца и матери должны были быть афинскими гражданами;

- родиться было необходимо в законном браке;

- незаконнорожденный мог претендовать на права гражданства, если родители его соответствовали всем требованиям, предъявляемым к гражданам;

- права гражданства можно в исключительных случаях приобрести, если отец являлся гражданином Афин [6, с. 299–300].

Только граждане определяли основные направления политической жизни своего полиса, и только из их числа избирались магистраты города. Как обоснованно полагает Д. Хелд, «необычность нововведений афинской демократии по большей части заключалась в их исключительности <...> Граждане были вовлечены не только в такую деятельность, как управление, военная служба, законотворчество, судопроизводство, религиозные церемонии, игры и празднества, а также в надзор и контроль за большим числом людей, которые не играли никакой роли в государстве» [15, с. 42].

Одна из важных целей функционирования демократического режима в Афинах сводилась к предоставлению возможностей всем гражданам участвовать в управлении делами полиса. Разумеется, действительность была несколько иной, нежели декларируемые цели. В промежутках между заседаниями народного собрания фактическая власть принадлежала Совету пятисот. У этого органа была достаточно широкая компетенция:

- предварительное рассмотрение вопросов, выносимых на народное собрание;

- контроль над исполнением постановлений народного собрания и деятельностью должностных лиц;

- управление финансами, государственным имуществом, флотом, портами, рынками, чеканкой монет [10, с. 198].

Исполнительная власть в Афинах принадлежала различным коллегиям, избираемым ежегодно народным собранием и подотчетным ему и Совету пятисот. Коллегии не состояли из профессионалов в какой-либо узкой сфере, а формировались из тех же самых полноправных граждан. Самой значимой являлась коллегия 10 стратегов, основными полномочиями которых были:

- командование армией;

- руководство внешней политикой;

- управление финансами города.

Судебная власть в Афинах принадлежала различным органам, среди которых ведущую роль играл суд присяжных (гелиэя), состоявший из 6 тысяч судей. Регулярно собиралась лишь часть судей, составлявших 1/10 от общего числа членов гелиэи. Тем не менее, нельзя подвергать сомнению значимость правосудия, повышавшего общий уровень правосознания граждан.

Необходимо отметить при этом тот важный факт, что древнегреческое общество не знало профессиональных правоведов, как и юридического образования. Все вопросы, связанные с юриспруденцией, относились к философско-политическому знанию, и поэтому Афины (и Древняя Греция в целом) не оставили для истории имен знаменитых правоведов – за неимением таковых (в отличие, например, от Рима). Следовательно, вести речь о правовой государственности в Афинах и других древнегреческих полисах можно лишь с большой долей условности. При этом следует, прежде всего, принять во внимание тот бесспорный факт, что сам термин «правовое государство» в отечественной, да и зарубежной политической и юридической науке понимается неоднозначно. Связано это положение с наличием нескольких концепций правовой государственности (континентально-европейской и англо-американской), конкурирующих друг с другом на протяжении нескольких последних столетий. Кроме того, правовая государственность самым тесным образом

связана с либеральным правопониманием и мировоззрением в целом. Бурное развитие идей о правовом государстве относится к XVIII–XIX векам н.э. в противоположность идее полицейского государства. Однако ряд исследователей (например, Р. Даль) полагает, что корни правового государства и гражданского общества следует искать в античной эпохе, давшей миру первые модели демократического общественного устройства.

С одной стороны, как вполне логично полагает известный историк-востоковед Л.С. Васильев, древнегреческие полисы обладали таким набором специфических черт, которые разительно отличали их от восточных обществ своего времени. Черты эти, по Л.С. Васильеву, следующие:

- практически все полисы были коллективами свободных и полноправных граждан;

- создание системы жестких и строго обязательных для исполнения правовых норм;

- только в античном мире закон был нерушимой и всеми подчеркнута уважаемой системой кодифицированного права с тщательно разработанной и соблюдаемой процедурой;

- развивающаяся и постепенно институционализирующаяся власть большинства народа (демоса) в полисах.

Соответственно, «это общество, хотя в нем были и рабы, причем нередко бесправные, было античным и именно в качестве такового, как результат бифуркации и некоей социально-политической мутации, оно легло в основу западноевропейской цивилизации и государственности и со временем, в постренессансную эпоху, оказалось фундаментом европейского развитого рыночного хозяйства, развития капитализма» [3, с. 299–300].

Необходимо, однако, сделать несколько существенных замечаний относительно специфики античного полиса. Так, представляется преждевременным вводить такую черту античного полиса, как наличие кодифицированного законодательства. Право Древней Греции целиком выросло из местных обычаев и не было систематизировано. Оно являлось архаич-

ным и достаточно жестким (и даже жестоким). Отсутствие профессионального сообщества юристов-правоведов, да и юридической мысли как таковой в её формальном воплощении, предполагало, что применением права занимались непрофессионалы, которые разрешали сложные казусы, руководствуясь внеправовыми мотивами.

Кроме того, Л.С. Васильев не учитывает географический фактор, оказавший на развитие греческого полиса существенное воздействие. Специфика рельефа и бедность ресурсами материковой Греции определили во многом инновационный путь эволюции политико-правовой сферы Античности. Как полагает известный отечественный востоковед Л.Б. Алаев, дающий свое видение цивилизационного развития Востока и Запада, древнегреческий мир, сформировавшийся к середине II тысячелетия до н.э., является периферией Востока и обладает такими чертами, как:

- появление духа предприимчивости и ответственности за себя и за общину (общество, полис);

- формирование представления о частной собственности;

- возникновение понятия свободы человека;

- осознание прав и обязанностей граждан;

- формирование демократии как формы правления;

- становление товарного производства как ведущего экономического уклада.

Согласно Л.Б. Алаеву, «объяснением античной «социальной мутации» могут служить природные условия. Безусловно, бросается в глаза, что Греческая цивилизация возникла не где-то на просторах Евразии, не в аллювиальных долинах или бескрайних степях, а на полуострове с весьма гористым рельефом и изрезанной береговой линией и на окружающих островах» [1, с. 87]. Вместе с тем следует принять во внимание и то обстоятельство, что определенные черты прежнего, восточного социума, на периферии которого формировалась античная цивилизация, сохранялись длительное время. Античное общество не являлось демократией в со-

временном понимании хотя бы потому, что правами наделялись только свободные граждане, составлявшие меньшинство жителей полиса.

Таким образом, элементы восточного социума сохранились в эпоху развитой античной цивилизации и оказывали определенное (хотя и опосредованное) воздействие на дальнейшую эволюцию Древней Эллады.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаев Л.Б.* История Востока с древнейших времен до начала XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2014. 366 с.
2. *Васильев Л.С.* История Востока: в 2 т. Т. I. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 722 с.
3. *Васильев Л.С.* Всеобщая история. В 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность. М.: Высш. шк., 2007. 447 с.
4. *Вологдин А.А.* История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2012. 784 с.
5. *Даль Р.* Демократия и ее критики / пер. с англ.; под ред. М.В. Ильина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 576 с.
6. *Исаев М.А.* История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2011. 957 с.
7. История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М.: ГРВЛ, 1989. 576 с.
8. *Костина А.В., Флиер А.Я.* Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М.: Согласие, 2011. 540 с.
9. *Меланченко И.В.* Афинская демократия. М.: Крафт+, 2007. 231 с.
10. *Мухаев Р.Т.* История государства и права зарубежных стран. 3-е изд. М.: Юрайт, 2014. 1006 с.
11. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права в двух томах. Т. 1. М.: Эксмо, 2005–2006. 592 с.
12. *Прудников М.Н.* История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2013. 811 с.
13. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / отв. ред. Н.А. Иванов. М.: Наука: Вост. лит., 1993. 392 с.
14. *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. 266 с.
15. *Хелд Д.* Модели демократии / пер. с англ. М. Рудакова. 3-е изд. М.: ИД Дело РАНХиГС, 2014. 544 с.